

Кровавый след тянулся от самой площади прямо в квартал старых жилых домов. Такие постройки были большой редкостью в этом городе — это были этнографические здания, специально сохранённые со времён молодости Шэнь Лана. Дороги здесь когда-то были вымощены каменными плитами, но теперь от них не осталось и следа — кругом буйно рос сорняк по пояс. Толпа людей, то проваливаясь, то вытаскивая ноги, гуськом двигалась по следу из багровых пятен прямо среди зелени.

Шагавший впереди Лысый внезапно остановился. Дальше пролежала узкая улочка, в которой едва могли разминуться два человека. В самом её конце лежал леопард — он уже испустил дух. Между мёртвым зверем и людьми находился перекрёсток.

Шэнь Лан тоже сразу понял: это было идеальное место для засады.

Иностранцы, о которых Шэнь Лан слышал от Четырёхглазого и остальных, были свирепыми, уродливыми чудищами с чудовищной боевой мощью, но всё же оставались просто монстрами, лишёнными человеческого разума. Однако то, что предстало перед их глазами, было на редкость грамотной, продуманной засадой. Если бы в переулках по обе стороны притаилось хотя бы несколько иностранцев, стоило их отряду из шести человек подойти к дохлому леопарду, как те мгновенно отрезали бы им путь к отступлению. К тому же в столь тесном пространстве ручное оружие попросту не смогло бы проявить себя в полную силу, и перед лицом свирепой рукопашной мощи иностранцев отряд неминуемо нашёл бы здесь свою смерть.

— Главарь Лысый, как думаете, этот леопард сам сдох от истощения или... — тихонько спросил стоявший рядом Чжао Цзюлоу.

Если леопарда убили иностранцы и оставили тушу здесь в качестве приманки, чтобы поймать их в ловушку, то интеллект этих тварей заставил бы взглянуть на них совершенно по-новому.

— Непонятно. Слишком далеко, смертельную рану отсюда не разглядеть, — колеблясь, произнёс Лысый. Он прекрасно понимал, что впереди может быть западня, но ему жутко не хотелось упускать готовую добычу.

— У меня есть план, — Дуршлаг снял со спины автомат и отложил его в сторону. Уперевшись руками и ногами в противоположные стены, он собрался карабкнуться наверх.

Расстояние между стенами составляло всего сантиметров семьдесят-восемьдесят. У Дуршлага были длинные руки и ноги, а сам он отличался проворством, поэтому забраться наверх труда не составило. Вот только стены заросли мохом и были невероятно скользкими, так что передвигаться приходилось с предельнейшей осторожностью. Добравшись до определённой высоты, Дуршлаг начал медленно продвигаться вперёд, украдкой поглядывая вниз.

Почти дойдя до перекрёстка, он бросил быстрый взгляд на землю и тут же поспешно отпрянул назад прежним путём. Заметив это, Лысый мгновенно подал сигнал готовиться к бою.

Дуршлаг пятился слишком торопливо, а при движении назад глазами невозможно было разглядеть участки с толстым слоем мха. В спешке он неосторожно наступил на влажную скользкую нашлапку, ноги его разъехались, и с громким уухом он сорвался со стены двух-трёхметровой высоты. Поняв, что их обнаружили, он во весь голос завопил:

— Инородцы! Бегите!

Эхо ещё не затихло, как из перекрёстка с оскаленными пастьми выскотело сразу несколько чёрно-бурых тварей и ринулось на упавшего на землю Дуршлага. Первый же монстр в прыжке вцепился когтями ему в щиколотку.

— Дуршлаг, лежи и не рыпайся, ползи сюда! Остальные — огонь! — заорал Лысый, одновременно открывая стрельбу из своего оружия.

Множество пуль вырвалось из ствола АК-47, со свистом пронесли над головой Дуршлага и угодили прямо в лоб передовому инородцу. Получив сокрушительный удар в голову, тварь отшатнулась и завалилась назад. Щиколотка Дуршлага освободилась, и он, панически цепляясь руками и ногами, пополз вперёд.

Остальные инородцы тоже с криками бросились в атаку на лежащего человека. Тот самый монстр, которого только что отбросили ударом, провёл лапой по лбу и с яростным ревом снова ринулся в бой. На его лбу остались лишь обугленные следы, а по лицу размазалась полоска чёрной смрадной крови.

Они и вправду неуязвимы для холодного и огнестрельного оружия! Это тебе не стрельба по мишеням, всё было куда суровее, чем на тренировках Шэнь Лана. Мощность АК-47 позволяла прошить насквозь дерево толщиной с пиалу, но этот калибр не мог пробить тонкий костяной панцирь на лбу у инородца. Бронежилеты из новейшей керамики, высокопрочных волокон кевлара или композитных материалов, на разработку которых человечество потратило столько сил, в сравнении с этим выглядели жалким подобием.

Проход в переулке был слишком узким, и четыре человека с четырьмя стволами наперевес столпились в кучу, непрерывным огнем поливая инородцев. Оглушительные выстрелы раздавались в непосредственной близости, неисчислимые пули со свистом летели над головой Дуршлага. Кое-как перебирая руками и ногами, тот в полном ужасе доковылял до выхода из переулкa и во всю мочь заорал Лысому:

— Отступаем! Их там больше десятка, они нас ждали!

Лысый кивнул и отдал громкий приказ:

— Бросайте всю добычу! Делимся на две группы, прикрываем друг друга и отходим! Цзюлоу, вы трое — на выход первыми!

Чжао Цзюлоу отозвался, увлекая за собой Балоу и Балоу-младшего в сторону площади. Пробежав десяток шагов, троица укрылась за углом стены и шквальным огнем из своего оружия сдержала натиск инородцев, прикрывая отход второй группы. Обе группы отступали с боями. Инородцы преследовали их по пятам: то одного, то другого монстра отбрасывало назад попаданиями пуль, но те мгновенно вскакивали и с диким визгом снова неслись вперед, оставляя на своих телах разве что новые выбоины от пуль. К тому времени, когда отряд отступил на площадь, все инородцы были ранены, но ни один из них так и не был убит.

Выбежав на площадь, отряд прибавил шаг. Инородцы, видимо, почуввав боль от ранений, продолжали безумно орать у края площади, но преследовать людей дальше не стали. В их криках слышалась такая ярость, словно они никак не могли смириться с тем, что добыча ускользнула прямо из-под носа.

За всё это боестолкновение Шэнь Лан сделал всего пару выстрелов и понятия не имел, попал ли хоть куда-нибудь. В ушах стоял сплошной рев инородцев, оглушительная канонада и стук собственного бешено колотящегося сердца. Уродливые лица монстров стояли перед глазами — казалось, в следующее мгновение они вцепятся ему в горло мертвой хваткой. Шэнь Лана прошиб холодный пот.

На площади по-прежнему ярко светило солнце, в лазоревом небе плыло несколько облачков, похожих на сахарную вату. И неужели всю оставшуюся жизнь ему придется провести в таком вот окружении?

* * *

Промелькнуло время, и с тех пор, как Шэнь Лан прибыл в Лагерь Громовой Птицы, прошло уже около трех месяцев. За эти месяцы его физическая форма заметно улучшилась по сравнению с тем периодом, когда он жил в подземной базе. Шэнь Лан уже искренне полюбил здешнюю жизнь под лучами солнца: стоило поднять голову — и перед глазами раскидывалось синее небо, а стоило опустить — кругом зеленела трава. По сравнению с этим его прежняя серая, унылая карьера от звонка до звонка казалась ему существованием в сточной канаве. Конечно, было бы еще лучше, если бы удавалось каждый день досыта наедаться, да и вечно висящая над душой мрачная тень инородцев, готовых напасть в любой момент, никак не отступала.

Сегодня ужин начался необычно поздно, и когда с едой было покончено, луна уже высоко поднялась в небо. Следом шло традиционное собрание — кучка людей собиралась у костра, чтобы обсудить последние новости и доложить о результатах недавних вылазок.

Атмосфера царила мрачноватая. Одна охотничья группа из шести человек ушла рано утром и до сих пор не вернулась. Во второй половине дня вдали взмыла сигнальная ракета, но отправленные на поиски отряды один за другим возвращались ни с чем — пропавшие охотники словно испарились.

Шэнь Лан тоже несколько раз участвовал в охоте. По сравнению с охотой из его прежней эпохи, здешними угодами служили не лесные массивы и луга, а бетонные джунгли с

частокотом высоток. Охотиться в такой обстановке — поистине непередаваемое ощущение. На высотах вдаль от охотничьих групп резвились стаи обезьян, руины и обломки зданий вечно служили раем для кроликов, ящериц, змей и крыс размером с кошку. Где-нибудь в соседнем здании вполне мог обитать целый прайд львов или какой-нибудь другой хищник, который буравил тебя взглядом из засады. Здесь, не разбирая дня и ночи, неизменно разыгрывались законы джунглей — выживает сильнейший. Обычное зверье в столкновении с таким вооруженным до зубов и опытным отрядом могло винить только собственную неудачу, но порой попадались и мутировавшие звери, способные не на шутку угрожать охотникам. Как правило, все эти мутанты произошли от животных из хорошо знакомой Шэнь Лану эпохи. Пару дней назад один из отрядов добыл гигантского вепря: в длину он достигал почти трех метров, превосходя обычного кабана больше чем вдвое. Лагерю пришлось задействовать грузовик и с десяток мужиков, чтобы приволочь тушу обратно. Мало того, что кабан был колоссальных размеров, на его копытах выросли острые когти, способные запросто распороть добычу, а шкура отличалась невероятной прочностью и была сплошь покрыта рубцами ороговевших слоев, в которые намертво вросли пули самых разных калибров. Мясо того вепря оказалось отменным на вкус, и его было просто не сравнить с привычной Шэнь Лану домашней свиньей — эта туша позволила всему лагерю досыта наесться на несколько дней вперед.

Хотя обычные мутировавшие звери представляли опасность, они все же не могли полностью уничтожить вооруженный до зубов отряд из шести человек. На такое были способны разве что те самые инородцы. Шэнь Лан невольно вспомнил жуткие, кошмарные лица монстров во время его первой охоты и устроенную ими засаду. Пускай та ловушка пестрела очевидными изъянами, по крайней мере, она доказывала, что твари не были лишены разума, в отличие от обычных диких зверей. Уж не знал Шэнь Лан, удача это или злой рок, но с той самой первой охоты он больше ни разу не сталкивался с этими созданиями.

За эти три месяца Шэнь Лан полностью влился в коллектив и привык к такой вольной жизни. Опасные вылазки даже начали казаться захватывающими и полными вызовов. По сравнению с тюрьмой со стенами со всех четырех сторон, это место было настоящим раем. Из-за этого у Шэнь Лана порой даже возникало иллюзорное ощущение, будто все рассказы об инородцах — не более чем плод воображения. Но сегодняшние события в одно мгновение вернули его в суровую реальность. Это был тревожный сигнал: нехватка пищи заставила монстров обратить свои взоры на их лагерь.

— Воздух и остальные до сих пор не вернулись. Похоже, дело не к добру, — заговорил Ху Фэн.
— Зима уже наступила, и не только нам становится всё труднее находить добычу, но и этим тварям тоже. Думаю, очень скоро нам придется принять тяжелый бой. Все должны собраться и держать ухо востро.

Воздух был главарем той пропавшей группы. Как и Лысый, он отличался отчаянной страстью к охоте, которую называл не иначе как разминкой. Он не мог усидеть в лагере и дня, почти ежедневно отправляясь на поиски приключений. Кто ходит по краю, тот рано или поздно промочит ноги — на этот раз он разминался слишком усердно. Воздух обладал легким, простоватым нравом, легко сходил с людьми и прекрасно ладил с Шэнь Ланом. От мысли, что такой лихой рубака мог стать кормом для монстров, на душе у Шэнь Лана стало тоскливо.

— В последние дни наш военный совет провел совещание, — продолжил Ху Фэн, обедая взглядом собравшихся. — Принимая во внимание, что запасы боеприпасов тают на глазах, а

недавняя вылазка принесла лишь немного продовольствия и топлива, но не оправдавшего надежд оружия, мы решили: всем нам необходимо наведаться в лагерь бывшего племени Серого Медведя и забрать оттуда все брошенные боеприпасы. Капсюль раньше состоял в Сером Медведе, и когда их лагерь пал, там оставалось огромное количество стрелкового оружия и патронов, включая два тяжелых пулемета М2. Тогда, при отступлении, люди Капсюля бросили их из-за тяжести, но эти крупнокалиберные пулеметы здорово помогут нам укрепить оборону лагеря. Поскольку монстры сейчас вошли в активную фазу, эта операция будет сопряжена с большим риском. Возглавит ее Капсюль. В этом списке сорок человек, чьи имена я назову в ближайшее время — готовьтесь. Медлить нельзя, выступаем завтра чуть свет, заберем бронетранспортер и все машины, которые на ходу.

Так называемый военный совет представлял собой руководящий орган парламентского типа, состоявший из нескольких ветеранов. Все важнейшие решения обычно принимались голосованием членов совета. В нынешний состав входили Ху Фэн, Капсюль, Старый Дракон Яда, Лю Ци и Ху Кэ. За этот месяц общения Шэнь Лан уже понял, что многие члены племени прибыли из других мелких общин, сплотившихся вместе ради защиты от угрозы со стороны Гуй Ли, а часть переселилась издалека — как, например, Четырехглазый. Капсюль отвечал за оборону базы и организацию патрулирования, Старый Дракон Яда — за учет и распределение оружия и боеприпасов, Лю Ци ведал продовольствием и тыловым обеспечением, Ху Кэ занимался повседневной строевой подготовкой, а Ху Фэн был вождем.

У лагеря не было постоянных источников снабжения, и все нынешние запасы оружия добывались раскопками на военных объектах в разных частях города. Обычно стоило откопать очередной схрон со снаряжением, как вокруг него образовывалось новое поселение. Теперь же все пригодные для раскопок места практически истощились, и каждый израсходованный патрон был на счету. До появления Шэнь Лана здесь уже проводилось несколько операций по сбору боеприпасов — людей отправляли в разрушенные монстрами старые лагеря, чтобы выкапывать припасы для повторного использования. Подобные вылазки несли в себе смертельный риск, ведь расстояния между общинами были немаленькими, а опасность возрастала пропорционально удаленности. Предыдущие рейды уже затронули руины ближайших поселений. Племена Серого Медведя и Громовой Птицы некогда были самыми влиятельными в округе и располагались дальше всех друг от друга. Теперь же дошла очередь и до этих отдаленных мест.

— ...Чернокожий, Белая Полоса, Чжэн Большой Глаз, Плоскодонка, Четырехглазый, Шэнь Лан...

— Нападение! Нападение!...

Внезапно пронзительный вой сирены разорвал тишину со стороны восточной смотровой вышки. Следом завывали сирены и на остальных вышках, и весь лагерь вмиг залился ярким светом. Обычно для экономии энергии по вечерам в лагере обходились лишь кострами, и глаза Шэнь Лана уже успели привыкнуть к такому освещению в стиле каменного века. Теперь же внезапная иллюминация на мгновение ослепила его, вызвав странное ощущение головокружения и иллюзию возвращения в ту давнюю эпоху неоновых огней.

Голос Ху Фэна прогремел на всю округу:

— Всем по местам! Приготовиться к бою!

Отвечавший за тыл Лю Ци тотчас же вскочил на ноги и вместе с несколькими бойцами принялся загонять женщин, детей и прочих нестроевых в укрытия. Остальные бойцы немедленно схватили личное оружие и быстрым шагом бросились к закрепленным за ними оборонительным позициям. Капсюль заранее распределил за каждым бойцом конкретный сектор на стенах, так что по тревоге все действовали четко и организованно. Изначально стадион имел восемь входов и выходов, но ради сокращения линии обороны шесть из них были наглухо замурованы, оставив лишь северный и южный проходы, превращенные в массивные железные ворота. Над каждым из этих входов располагался пост обороны из двадцати человек.

Оборонительный сектор Шэнь Лана примыкал прямо к позиции Четырехглазого. Вместе с ним они поспешно взбежали на западную трибуну, и к тому моменту, когда бойцы добежали до верхнего яруса, почти все защитники уже заняли свои места. Длина овальной трибуны превышала километр, так что сотне с небольшим бойцов приходилось стоять на изрядном удалении друг от друга. Шэнь Лану достался десятиметровый отрезок трибуны на девять часов, слева от него находился Четырехглазый. Ху Фэн и Ху Кэ с отрядами из десятка с лишним человек ожидали в центре лагеря, готовые в любой момент прийти на помощь любому опасному участку.

Листья уже давно облетели, сухая трава полегла от ветра, и крупным животным негде было спрятаться. За трибунами царил полумрак, в котором то тут, то там шуршали мелкие зверьки.

Ночной зимний ветер был довольно пронзительным. Ледяные порывы задували прямо за воротник и в грудь, заставляя Шэнь Лана ежиться от холода, однако ладони при этом слегка потели. Преодолевая волнение, он загнал в патронник карабина Маузера обойму на пять патронов и принялся вглядываться в темноту в поисках целей. Бросив косой взгляд на соседа, Шэнь Лан разглядел в сумерках напряженно всматривавшегося в предночное поле Четырехглазого.

С восточной стороны грянула яростная стрельба, перемежающаяся глухими разрывами гранат и винтовочных гранатометов. Иностранцы пошли на штурм! Сердце Шэнь Лана подпрыгнуло к самому горлу. Следом затрещали выстрелы с юга и севера, хотя там было не так жарко, как на востоке. Трибуны возвышались метра на четыре-пять, но для иностранцев такая высота не была преградой: их острые когти без труда вонзались в бетон, позволяя в два счета вскарабкаться на стену.

Секунды текли одна за другой, но в поле зрения Шэнь Лана иностранцы так и не появились, зато пальба и взрывы на востоке становились всё ожесточеннее. Резервные группы под командованием Ху Кэ и Капсюля уже вступили в бой, и стрельба не утихала ни на секунду.

В этот момент откуда-то снизу донесся зычный голос Ху Фэна:

— Народ с запада! Половине людей немедленно выдвигаться к стене на четыре часа!

У Ху Фэна был луженый басистый голос — подобно мощному рупору, он разносился по всем уголкам стадиона.

— Каждой паре разделиться! Тотчас отправляемся к точке на четыре часа! — закричал неподалеку старый боец, первым сгребая оружие и бросаясь к восточной трибуне. Люди стали действовать по принципу один уходит, один остается на месте. Шэнь Лану как раз выпало идти на подкрепление. Заметив, как Четырехглазый показывает ему поднятый вверх большой палец, он тут же ответил тем же знаком, подхватил карабин и побежал вдоль трибуны на запад.

Чем ближе они подбегали к восточному сектору, тем оглушительнее гремели выстрелы. Пробегая мимо южной трибуны, Шэнь Лан уже отчетливо видел усеянную телами инородцев землю. Множество тварей наперегонки неслись вперед. Скорость их атаки была невероятной — человеческий рекорд по стометровке показался бы рядом с ними детской забавой. Пули всех калибров, трассирующие снаряды и осколки гранат со свинцовой дробью, ударяясь о костяные панцири монстров, издавали глухие шлепки. Некоторые инородцы, поймав по десятку пуль, продолжали нестись напролом; кому-то крупнокалиберная пуля оторвала руку, оставив висеть лишь на клочке кожи, но те все равно перли вперед с диким воем. Другие, лишившись ног, цеплялись за землю руками и волокли тела за собой. Несколько тварей, оказавшихся ближе всего к стене, попали под массированный огонь: Шэнь Лан увидел, как одному из монстров проломили черепную коробку так, что та провалилась внутрь, но тот, казалось, даже не заметил этого и продолжал изо всех сил вгонять когти в бетон, пытаясь вскарабкаться наверх.

От увиденного у Шэнь Лана похолодело внутри. Похоже, эти твари ни во что не ставили не только человеческие жизни, но и собственные. Возможно, они вообще не понимали, что такое жизнь, и лишь слепые инстинкты выживания превратили их в машины для убийств.

Они уже подбежали к восточной стене, где развернулся самый яростный бой. Впереди распростерлось тело погибшего бойца. Верхняя половина туловища одного из инородцев уже перевесилась через край стены, а другой защитник в упор палил по его голове из штурмовой винтовки. Пули барабанили по черепу с треском лопающегося гороха. Под градом сокрушительных ударов череп монстра треснул, забрызгав лицо и голову бойца черной зловонной жижей, но тварь и не думала отступать.

В этот момент из-за спины солдата неожиданно выскочил еще один инородец. Его когти с легкостью пробили тело бойца насквозь, высунувшись со стороны груди вместе с кровавыми ошметками внутренних органов. Бедняга с ошеломлением глядел на торчавшие из груди когти, словно не понимая, что произошло. Сразу вслед за этим первая тварь, у которой была разбита добрая половина головы, тоже забралась на стену и движением лапы, словно срывая спелый арбуз, снесла ему голову. Оба монстра рухнули на труп и принялись яростно его пожирать.

Бойцы с позиций позади отчаянно палили вниз и просто не успевали заметить эту угрозу с фланга. В критический момент Шэнь Лан неожиданно успокоился. Задав рвущиеся наружу спазмы в желудке, он выровнял дыхание и сердцебиение. Дистанция — около ста метров, ветер встречный, поправкой на девиацию можно пренебречь. На таком расстоянии у него было девяносто шансов из ста поразить неподвижно сидящую птицу.

<http://bllate.org/book/21118/2142784>